

Теккерей Уильям Мейкпис

Новые романы

ПРЕДПОСЛАНИЕ: Получив у себя в Швейцарии посылку от мистера Йорка с только что вышедшими романами, мистер Титмарш предлагает Оливеру следующее сочинение, в котором он разбирает эти романы, а также касается ряда иных интересных вопросов. Он пишет о строгости критиков; о своем намерении исправиться в этом отношении; о природе поэтов; об ирландцах; о Гарри Лорреквере, которого считает сентиментальным писателем; о критиках Гарри; о «Томе Бэрке»; о Рори О'Море; о Юном Претенденте и Герцоге Бордосском; о движении в Ирландии за отмену Унии и песнях ему посвященных — относительно одной из них он обращает к Рори О'Мору слова мягкого упрека. Он упоминает и другие романы, оказавшиеся в посылке, а именно «Сына скупца» и «Берлинского бургомистра». В заключение он говорит несколько теплых слов о Бозе.

Уважаемый сэръ, несколько лет тому назад — совсем недавно — в годы нашей жаркой юности, когда правил Вилли IV, среди молодых и пылких гениев, украшавших своими бойкими писаниями страницы нашего Журнала, было принято

безжалостно высмеивать почти всех писателей Англии, пренебрежительно отзываться о их эрудиции, подвергать сомнению их талантливость, издеваться над их ошибками — историческими, поэтическими, грамматическими и стилистическими; читателю, таким образом, предоставлялось сделать вывод о нашем (критиков) несравненном превосходстве во всех тех областях, где мы видели несовершенства других. Я говорю нашем, поскольку нижеподписавшийся Майкл Анджело не хуже иных управлялся с томагавком, и в его вигваме тоже висит несколько засушенных скальпов.

Эти времена, дорогой Йорк, отошли в прошлое. Когда я в минувшем году приехал в Лондон, я нашел в Вас большие перемены: Вы потолстели (простите, что я об этом говорю) — потолстели и возлюбили мир и спокойствие. К Вам на колени весело карабкались Ваши дети. Вы не считали недостойным себя намазать им хлеба с маслом, и, глядя на Вашу добрую улыбку, я понял, что и Вы познали прелесть «млека человеческой доброты», которая в юности нам кажется пресной и бесцельной, но которую мы выучиваемся ценить с наступлением зрелости. Ибо благожелательность — это самое здоровое состояние человеческого духа; если она и не порождает буйного подъема, вызываемого более сильными эмоциями, в ней есть

свое тихое веселье, куда более приятное, подлинное и долговечное чувство, чем опьянение шипучим настоем сатиры; а главное, человек просыпается на следующее утро без жара и головной боли, не пугаясь смутного воспоминания о незаслуженно переломанных в порыве сатирического исступления костях подвернувшейся под руку жертвы. Вы смягчились душой — все мы смягчились душой. Как-то я встретил Моргана Рэттлера, который нес под мышкой деревянную лошадку для своего сынишки. Став мужьями и отцами, мы уже не в состоянии нападать на других мужей и отцов.

Кроме того, достигший зрелости ум задается следующим вопросом. Допустим, критик, считая А и Б заслуживающими истребления тупицами, разносит их в пух и прах; вытекает ли, однако, из этого, что читатели приветствуют его истребительную деятельность и что усилия критика вызывают их восхищение? Ныне, повзрослев и остепенившись, я склонен думать, что публика без особого восторга взирает на подобное членовредительство и что она относится к размалеванным боевой краской воинам прессы (только не примите это сугубо на свой счет) так же, как к молодым повесам-аристократам, которые несколько лет тому назад любили развлекаться, пробивая головы полицейским и окрашивая аптеки в гороховый цвет, — может быть, она и забавляется

их выходками, но уж, конечно, не испытывает к ним ни симпатии, ни уважения. И, подобно молодым аристократам, признавшим справедливость общественного мнения и удалившимся в свои поместья, управлением и совершенствованием которых они сейчас мирно занимаются, юные графы и маркизы при дворе Регины на Риджент-стрит занялись мирной обработкой плодородной литературной нивы и выращиванием сочных плодов благожелательной мысли. Лично у меня неплохо продвигается работа по дифференциальному исчислению; и мне кажется, я не выдам секрета, отметив, что Ваш перевод первых ста девяноста шести глав «Махабхараты» прольет новый свет на живо интересующий Англию предмет, а именно, санскритскую теософию.

Это предисловие, несомненно, подготовило Вас к чрезвычайно гуманному и хвалебному отзыву о пачке книг, которые Вы так любезно мне прислали и в которых есть, без сомнения, много такого, чего критик не стал бы писать (по причине своего необычайно тонкого вкуса и обширных познаний), но есть, между нами, много и такого, чего критик не смог бы написать, даже если бы и захотел; оценивая художественные произведения, критики порой забывают об этой истине. Деревенский мальчишка, нанятый за два пенса в

неделю отпугивать камнями скворцов, может, порой и попадет камнем в птицу, но, если бы ему вздумалось самому влезть на куст и попытаться петь, его музыкальные потуги выглядели бы довольно жалко и он был бы осмеян даже самыми тупыми парнями в деревне; точно так же и критик, бросающий камни в поэта... Но мне кажется, что сравнение настолько очевидно, что его не стоит продолжать — искушенный человек вроде Вас поймет его и так.

Дело в том, что скворцы-поэты — безобидные нежные пичужки, сидящие на живых изгородях и щебечущие по велению своей природы (они так же не могут не петь, как цветок не может не издавать аромата), подвергались слишком жестокому обращению со стороны сторожей-критиков, которые обожают швырять в бедных пташек камнями, притворяясь, что в этом заключается их долг и что каждый щегол или воробушек, того и гляди, истребит целое пшеничное поле или превратится в чудовищного стервятника. Давайте же оставим эти недостойные упражнения и жестокие забавы юности и обратимся душой к благодушной философии зрелого возраста.

Основным свойством ирландского народа и ирландских писателей, которое осталось незамеченным англичанами, является, на мой взгляд, меланхолия. Все ирландские анекдоты

грустны, так же как и ирландские шуточные песни; они никогда не вызывают взрывов смеха, а скорей располагают к слезам; начиная с «Ракрентского замка», все прочитанные мной ирландские повести всегда навевали печаль. Книги мистера Карлтона — а он, несомненно, величайший из всех авторов, писавших про Ирландию, — оказывают такое же действие. То же самое можно сказать о лучшем романе Гриффина «В колледже»; и меня всегда удивляло, почему большинство английских критиков находят смешными трогательные повести Гарри Лорреквера и не видят скрытой под налетом комизма грусти. Самая веселая из известных мне ирландских песен «Ночь перед тем, как вздернули Ларри» ни на секунду не дает вам забыть о казни, которая должна состояться на следующее утро. «Роши Бларни» — сочнееший набор нелепостей со времен Рабле: но вы не находите, что от этих нелепостей щемит на душе? Глупые шутки произносятся с грустным видом и под звуки самой тоскливой музыки: они действуют на вас так же, как остроты шута короля Лира. То же впечатление производит ирландский пейзаж. Можно пройти всю Ирландию и не увидеть ни одной улыбки природы; тогда как в Англии в пяти милях от любого места, где читают эту статью, вы обязательно натолкнетесь на уголок, сияющий в своей бесхитростной простоте довольством, радушием и

весельем. В Ирландии же самые красивые и живописные места всегда представлялись мне невыразимо печальными, так же как и живущие там люди. Но мы в Англии раз и навсегда составили себе мнение об ирландцах и, подобно героям известной басни, собравшимся посмотреть на человека, который подражал свиному хрюканью (не поймите только, что я хочу сравнить ирландцев со свиньями, я просто говорю о тупости саксонцев), мы предпочитаем выдуманного нами ирландца настоящему и упорно смеемся над каждым его словом и поступком, не обращая внимания на настроение бедняги. Изобразив ирландцев в подобном ложном свете, авторы романов и драм совершили по отношению к ним страшную несправедливость (как и все прочие англосаксы, скажут приверженцы О'Коннела). Сколько неправды об ирландцах внушил английскому зрителю бедняга Пауэр! Насмотревшись его пьес, лондонский простолудин воображает, что ирландец пребывает в состоянии непреходящего веселья, что Падди вечно в вихре полупьяной приподнятости, что он только и делает, что орет развеселые песни и откалывает сумасшедшие шутки; что это существо, которому совершенно чужды притворство и расчет; только побывав в Ирландии, англичанин узнает, как эти шутки притворны, сколько грусти в этом комизме, как